

Религиоведение. 2023. № 1. С. 92–99.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 1. P. 92–99.

DOI: 10.22250/20728662_2023_1_92

Иванов А.В.

*Алтайский государственный аграрный университет
656048, Россия, г. Барнаул, пр-т Красноармейский, д. 98
ivanov_a_v_58@mail.ru*

Принципы диалога науки и религии в работе В.Н. Ильина «Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира»

Аннотация. В статье анализируются принципы диалога науки и религии, которые формулирует в своей известной работе «Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира» известный философ русского зарубежья Владимир Николаевич Ильин. Эти принципы касаются самой возможности диалога между религией и наукой, различного отношения к религии со стороны гуманитарного и естественнонаучного знания, а также необходимости учёта историчности как науки, так и религии. Показывается, что само содержательное сравнение библейских и научных знаний в книге В.Н. Ильина далеко не всегда соответствует провозглашённым им принципам. На основе достижений и недостатков его концепции автором статьи формулируется ряд дополнительных принципов, позволяющих, на его взгляд, обеспечить продуктивный и рациональный диалог между наукой и религией. Они касаются необходимости фундирования диалога между наукой и религией, как современными религиозными, так и эпистемологическими исследованиями; обязательного «посредничества» философской традиции, в которой уже разработаны основные возможные стратегии реализации такого диалога; а также последовательного проведения динамической установки, которая включает в себя не только культурно-историческое, но и экзистенциальное измерение, где от уровня развития личности самого интерпретатора будут зависеть результаты проводимых исследований. Подчёркивается эвристичность применения известной христианской формулы «нераздельности и неслиянности» применительно к взаимоотношениям науки и религии, где сколь бы ни был успешным их диалог и тенденции к сближению, тем не менее, им суждено в ближайшей исторической перспективе оставаться автономными сферами духовно-познавательного опыта человечества.

Ключевые слова: В.Н. Ильин, наука, религия, философия, принципы диалога, синтетическая стратегия диалога, «нераздельность и неслиянность» науки и религии

Andrey V. Ivanov

*Altai State Agricultural University
98 Krasnoarmeisky ave., Barnaul, 656 048, Russia
ivanov_a_v_58@mail.ru*

The Principles of Dialogue between Science and Religion in V.N. Ilyin's Work “Six Days of Creation: The Bible and the Science of Creation and the Origin of the World”

Abstract. The article analyzes the principles of the dialogue between science and religion, which are formulated in his famous work “Six Days of Creation: The Bible and the Science of Creation and the Origin of the World” by the famous philosopher of the Russian diaspora Vladimir Nikolaevich Ilyin. These principles concern the very possibility of a dialogue between religion and science, the different attitudes to religion from the humanities and natural sciences, as well as the need to consider the historicity of both science and religion. It is shown that the very meaningful comparison of biblical and scientific knowledge in V.N. Ilyin's book does not always correspond to the principles proclaimed by him. Based on the achievements and shortcomings of his concept, the author of the article formulates a number of additional principles that, in his opinion, allow for a productive and rational dialogue between science and religion. They concern the need for the foundation of a dialogue between science and religion, both by modern religious studies and by epistemological studies; the obligatory “mediation” of the philosophical tradition, in which the main strategies for the implementation of this dialogue have already been developed; as well as the consistent implementation of a dynamic installation, which includes not only the cultural-historical, but also the existential dimension, where from the level of personal development of the interpreter himself will depend on the results of his research. Finally, the heuristic

application of the well-known Christian formula of “inseparability and non-unity” is emphasized in relation to the relationship between science and religion, where no matter how successful their dialogue and tendencies towards rapprochement, nevertheless, they are destined to remain autonomous spheres of the spiritual and cognitive experience of mankind in the near historical perspective.

Key words: V.N. Ilyin, science, religion, philosophy, principles of dialogue, synthetic strategy of dialogue, “inseparability and non-interference” of science and religion

Анализируя тему соотношения науки и религии в российской философской мысли, нельзя обойти стороной такую важную и интересную фигуру, как Владимир Николаевич Ильин. Вплоть до конца 90-х годов XX века его жизнь и творчество были практически неизвестны отечественному читателю, хотя в среде русской эмиграции он был фигурой довольно значительной. Наделённый многочисленными творческими талантами, он оставил свой след в музыке и литературоведении, философии и православном богословии. До конца жизни В.Н. Ильин разделял евразийские идеи, хотя официально вышел из движения в 1929 году после его известного раскола на «правое» и «левое» евразийство. Причиной раскола стала, как известно, позиция парижской группы, заявившей о своей готовности сотрудничать с Советской Россией, как якобы уже воплощающей в жизнь многие евразийские идеи. Будучи принципиальным противником марксизма и материализма, В.Н. Ильин с таким «советским поворотом» евразийского движения примириться никак не мог. Надо сказать, что воинствующий антисоветизм и антимарксизм В.Н. Ильина сыграли с ним злую шутку. Много ценных социальных и культурных достижений советской власти он не увидел, а его собственные методологические философские опыты (попытка построить оригинальную «морфологическую логику») [Ильин, 1996] оказались, на наш взгляд, существенно ниже того уровня, который был достигнут, например, в диалектической логике или в системных исследованиях советской философией. Впрочем, в задачи данной статьи не входят ни исследование сложной и трагической личной судьбы В.Н. Ильина, которая обстоятельно освещена в работах А.П. Козырева [Козырев, 1997] и А.А. Ермичева [Ермичев, 2012], ни историко-философская оценка тех или иных аспектов его философского и культурологического творчества. Этому посвящены довольно содержательные исследования А.Ф. Гусакова [Гусаков, 2009] и О.Т. Ермишина [Ермишина, 2020]. Целостное же осмысление его творчества – дело будущих историко-философских исследований.

Принципы анализа взаимоотношений между наукой и религией у В.Н. Ильина

В данной статье мы обратимся к его анализу взаимоотношений между наукой и религией, сделав особый акцент на высказанных им методологических идеях, значимых, на наш взгляд, для современного этапа диалога этих важнейших сфер духовной культуры. Безусловная заслуга В.Н. Ильина состоит в том, что, в отличие от большинства других русских религиозных философов XX века (С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, его знаменитого однофамильца И.А. Ильина), он осмысляет эту тему не на уровне сугубо метафизических и богословских штудий, а пытается систематически сопоставить библейскую картину мира с конкретными данными естественных и гуманитарных наук своего времени. Центральной в решении этой задачи стала, на наш взгляд, его книга «Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира», изданная в 1930 году. На ней мы и сосредоточимся. Сначала выделим наиболее сильные и эвристические идеи этой книги, а уж потом отметим её недостатки и сделаем общие выводы.

Прежде всего, В.Н. Ильин в самом начале своего труда справедливо подчёркивает диалектический характер взаимоотношений между наукой и религией, где, с одной стороны, «надо оставить маниловские мечтания апологетической лжефилософии о каком-то компромиссном “согласовании” и “примирении” Библии с наукой» [Ильин, 2006, 6], поскольку они говорят на разных языках и исходят из разных оснований. В.Н. Ильин даже подчёркивает трагический характер этого разговора на разных языках. Но, с другой стороны, «одной и Той же Премудростью создан мир и явлена в нем премудрая («софийная») книга – Библия. Один и Тот же Логос, Одна

и Та же Премудрость действуют в строе природы <...> – в её так называемых законах и в то же время открывают этот строй, эти законы познающему разуму учёных и философов, поскольку ими руководит чистосердечное желание истины» [Ильин, 2006, 7]. В.Н. Ильин здесь разделяет известную позицию С.Н. Булгакова из «Философии имени» об «изначальном единстве мысли речи и бытия» [Булгаков, 1998, 189] в Божественном Логосе, в силу чего познание человека в целом согласуется с бытием, а различные формы его познавательной деятельности (рациональные и внерациональные), соответственно, между собой. Проще говоря, в истинных познавательных актах человеческая земная мысль как бы «встречается» с Божественной Мыслью, сотворившей и окружающий мир, и индивидуальных мыслящих существ, способных его творчески познавать. Старая гносеологическая проблема согласования мысли с бытием здесь решается вполне последовательно, как и возможность продуктивного когнитивного диалога между наукой и религией.

Обратимся к другой, интересной и важной, на наш взгляд, методологической и культурологической проблеме, поставленной В.Н. Ильиным, а именно – проблеме различного характера взаимоотношений естественных и гуманитарных наук с религией. С его точки зрения, именно гуманитарные науки (особенно история, археология и филология) первоначально подтверждают реальность многих библейских мифов и фактов, например, о всемирном потопе, о реальности существовании городов и исторических событий, упоминаемых в Священном Писании и т.д. Тем самым, именно гуманитарные науки первоначально инициируют продуктивный диалог между наукой и религией, и только потом к нему подключаются естественные науки. Например, физика обращается к космогоническим религиозным представлениям, биология к библейской последовательности стадий творения живых форм, а медицина к древним системам врачевания после того, как религиозные знания подвергаются гуманитарным научным комментариям и исследованиям. В подтверждение этой концепции русского мыслителя можно также сослаться на изучение древней индийской системы врачевания Аюрведы. Первоначально её стали переводить и изучать специалисты по ведийской культуре, и лишь потом ей всерьёз заинтересовались профессиональные медики.

Заслуживает также внимания мысль В.Н. Ильина, что через познание Космоса естественные науки с необходимостью приходят к познанию человека, а Библия и гуманитарные науки, наоборот, через обращённость к человеку приходят к познанию его космического измерения [Ильин, 2006, 9]. Если осмыслить этот тезис В.Н. Ильина в более широком и современном контексте, то, действительно, формулировка антропного космологического принципа в его сильной версии прямо отсылает к тому, что человеческое бытие как бы запрограммировано на появление в ходе космической эволюции; а современные исследования сознания человека, особенно в связи с традициями восточной йоги¹, указывают на его фундаментальную связь с биосферными и космическими процессами. Образно говоря, вглядываясь научным взором во вроде бы безжизненные пространства Космоса, мы обнаруживаем, что там проступает живой человеческий лик; а проникая в тайны человека-микрокосма, обнаруживаем его трансперсональное космическое измерение.

Наконец, исключительно глубокой и правильной видится базовая философско-методологическая установка В.Н. Ильина, которую, на наш взгляд, необходимо соблюдать при любом возможном ракурсе анализа взаимоотношений между наукой и религией. Её можно назвать **динамической** установкой – в отличие от **статической**. Последняя может реализоваться и в *религиозно-апологетической*, и, наоборот, в *атеистически-конфронтационной* формах, но здесь продуктивный диалог между наукой и религией оказывается попросту невозможным. Что же касается динамической установки, то вот как её очень точно формулирует отечественный мыслитель: «Нет никаких готовых систем мироздания (космологии), нет и готовых учений о происхождении мира (космогонии) – ни в Церкви (на почве библейского свидетельства), ни в науке (на почве наблюдений и вычислений). Библейский текст, несмотря на свою монументальную простоту, – вопрос, а не ответ, уже потому, что он, как слово Божие, повествующее о «началах», неисчерпаем и для его дешифрирования требуется как наука (главным образом, филология и естествознание), так и богов-

дохновенное прозрение. Изучаемая наукой картина Вселенной – не менее загадочна. Мы видим и знаем в ней очень мало и очень односторонне. Многое множество в ней, особенно таинственные «начала», неизменно ускользает от орудий опыта и наблюдений и, при настоящем состоянии человеческого духа, от нас совершенно скрыто» [Ильин, 2006, 5].

Действительно, когда говорят о том, что священные тексты религий претендуют на обладание вечной истиной по сравнению с относительными истинами науки, то часто забывают, что истины религии раскрываются не сразу, но всегда в зависимости от исторического контекста и духовной зрелости их индивидуальных интерпретаторов. Если бы дело обстояло иначе, то не было бы новых теологических и религиозно-философских текстов с бесконечной полемикой вокруг базовых положений различных религиозных систем.

С другой стороны, иногда не принимают в расчёт, что научные знания глубоко относительны, и многое из того, что кажется истинным сегодня, завтра будет неизбежно опровергнуто. Именно динамическая установка в диалоге между наукой и религией во многом позволяет преодолеть как иррациональные религиозные верования, так и иррациональное «научное» неверие.

Недостатки концепции В.Н. Ильина

К сожалению, в анализируемой книге самому В.Н. Ильину эти правильные методологические установки реализовать не удалось. Более того, его текст этим установкам нередко противоречит. Так, Библию он трактует вовсе не динамически, а сквозь призму церковного символа веры, о чём сам сразу и заявляет на первых страницах своего труда: «Основой веры православного христианина является Никео-Цареградский Символ (325–381 гг.). Никакой космогонии (т.е. данного в понятиях учения о фактическом происхождении мира) в этом символе нет. Есть только утверждение веры в Бога-Отца как «Вседержителя Творца неба и земли», мира «видимого (телесного) и невидимого (духовного)»; есть исповедание веры в сына Божьего (Логоса), через Которого всё произошло... На этом необходимо остановиться» [Ильин, 2006, 6]. Однако на этом В.Н. Ильин и не думает останавливаться, сию же минуту далее согласовать с научными данными именно библейские космогонические представления, как они представлены в учении о шести днях творения.

При этом В.Н. Ильин, будучи ортодоксально мыслящим христианином, не разделяет внутри самих священных текстов вечные и глубокие знания, в основе которых лежит трансцендентный религиозный опыт, и сугубо исторические пред-рассудки и иррациональные верования, которых в той же Библии предостаточно. Известно также, что если интерпретатор, обращающийся к древним текстам, очень хочет найти в них определённые идеи и смыслы, то он их там обязательно найдёт. Отсюда при попытках современной интерпретации древних религиозных текстов и символов возникает угроза произвольных домыслов и умозрительных спекулятивных конструкций, которые лишены сколь-нибудь серьёзного эмпирического и теоретического обоснования. С.Н. Булгаков в своё время удачно назвал это «рационалистической безвкусицей» [Булгаков, 1994, 175]. Такой «безвкусицей» буквально переполнены современные «труды» по эзотерическим древним знаниям. **В результате вместо диалога мы получаем псевдиалог между наукой и религией.**

С другой стороны, В.Н. Ильин отталкивается от уровня развития науки своего времени. Сегодня многие из научных концепций, которые он сопоставляет с библейскими текстами, явно устарели. При этом В.Н. Ильин сплошь и рядом даёт современным ему научным гипотезам и теориям очень жёсткое христианско-апологетическое толкование, игнорируя те из них, которые библейским представлениям явно не соответствуют. Здесь кроется ещё одна причина превращения диалога между наукой и религией в псевдиалог, когда данные наук искусственно «подгоняют» под религиозные схемы и догмы.

Взгляды В.Н. Ильина и на истины Библии, и на природу науки в целом видятся весьма ограниченными с современных позиций. «Разница между наукой и Библией, – пишет он, – конечно, есть, но не там, где это обыкновенно полагают. Только Библия есть раскрытие последнего смысла «альфы и омеги» – «начала и конца» (Книга Бытия и Апокалипсис); наука же изучает отдельные факты, их ряды,

часто вне объединяющей связи (раскол гуманитарных и естественных наук) и, тем более, вне связи со всей совокупностью мирового бытия как целого» [Ильин, 2006, 8]. Но в науке, особенно в фундаментальной физике и космологии, мы имеем дело с теоретическими моделями, как раз претендующими на объяснение «начала и конца» мироздания; а в священных христианских текстах, особенно Ветхого завета, встречаем массу исторических и бытовых фактов, не имеющих никакой связи с «совокупностью мирового бытия как целого».

Можно сделать обобщающий вывод, что содержательная научная интерпретация и доказательство глубины космогонических представлений Библии В.Н. Ильину явно не удалась. На выходе получилась довольно поверхностная и апологетическая **религиозная натурфилософия**, существенно уступающая классическим отечественным религиозно-философским разработкам в области философии природы и философской антропологии, которые можно найти у В.С. Соловьева, и особенно С.Л. Франка, Н.О. Лосского и П.А. Флоренского. Особенно слабой и откровенно устаревшей видится последняя, тринадцатая, глава книги В.Н. Ильина, которая носит название «Шестой день творения и происхождение человека».

Показателен сугубо апологетический и крайне невразумительный с философской точки зрения вывод, которым заканчивает свою книгу автор: «Несмотря на всю недостаточность, несмотря на всё несовершенство проделанного исследования, мы всё же пришли к драгоценному заключению. Оно может быть изложено в немногих словах. В Библии – в первых главах Книги Бытия и в других её текстах, связанных по содержанию и смыслу с Книгой Бытия, – даны не история или теория мира, но образ возникающей сущности внутреннего бытия вещей. Выражаясь кратко и на языке философии, – в Библии раскрыта генетическая эйдология Космоса с Землёй в центре. В слове Божьем, в священных письменах откровения явлено творческое действие Бога Слова в совершенном образе вещей, в зонах тварного мира как целого» [Ильин, 2006, 187].

Тут вообще трудно понять, что хочет сказать В.Н. Ильин, ибо невозможно оторвать историю и теорию мира от внутреннего бытия вещей и от эйдологии Космоса, а для того, чтобы христианин верил в библейское Откровение и в творческое действие Бога Слова в мире, такую книгу вовсе и не надо было писать.

Попытка расширения арсенала методологических принципов В.Н. Ильина

Работа В.Н. Ильина, исключительно значимая в плане своих методологически максим, но неудачная, на наш взгляд, в отношении конкретных теоретических результатов, хороша тем, что позволяет сформулировать ряд дополнительных принципов выстраивания продуктивного и рационального диалога между наукой и религией в современных условиях.

Во-первых, многие священные тексты и их канонические интерпретации вовсе не являются плодом индивидуального трансцендентного религиозного опыта и не переданы людям из трансцендентных источников, а представляют собой сугубо человеческие смысловые порождения, канонизированные церковной традицией. Для действительно глубокого постижения реальности, скрытой за многими религиозными мифами и символами, требуется их критический отбор и критическое прочтение, а также привлечение осевых священных текстов других религий. Иными словами, для рационального и доказательного теоретического сопоставления научных и религиозных знаний необходима обязательная опора на историко-религиоведческие и сравнительно-религиоведческие исследования.

Однако верно и другое: при творческом диалоге между наукой и религией сами научные знания, достигнутые на данный исторический момент, ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Они могут радикально измениться и обновиться. К тому же надо учитывать существование конкурирующих научно-исследовательских программ в современных областях научного знания. Поэтому так важна опора на всю палитру современных историко-научных и эпистемологических исследований при интерпретации религиозных знаний.

Необходимо также иметь в виду, что обращение к вечным религиозным текстам может быть продуктивным для самой науки, стать фактором её развития. Тут

можно опять сослаться на обращение европейской психологии и медицины к древним восточным религиозным системам врачевания и психотехникам, что дало мощный толчок современному развитию этих областей научного знания.

Во-вторых, для сопоставления научных и религиозных знаний необходимо квалифицированное посредничество философии, ибо только её укорённые в традиции фундаментальные ходы метафизической мысли позволяют целостно осмыслять как осевые религиозные тексты, так и достижения современной науки. Наука, вопреки позитивистским предрассудкам, никогда не была сама себе философией; а религия, вопреки церковным предрассудкам, никогда бы не стала важнейшей сферой духовного опыта и влиятельнейшим социальным институтом без предварительной работы религиозно-философской мысли. Цельное же – синтетическое и систематическое мировоззрение может быть только философским, но никогда не сугубо научным и не сугубо религиозным. **Научный рассудок и религиозный трансцендентный опыт, вступая в творческий диалог, должны опосредствоваться философским умозрением и диалектическим разумом.**

Более того, в рамках мировой историко-философской традиции мы видим уже проведённый анализ различных стратегий взаимоотношений между наукой и религией, будь то *конфронтационные* стратегии или теория «двойственной истины». Анализ четырёх таких стратегий дан в известной работе Д.Р. Александера [Александр, 2010]. Что же касается отечественной философской традиции, то в ней с самого начала определяющей стала *синтетическая* стратегия, причём сразу в трёх её возможных формах: с приматом мистико-религиозного синтеза, как у славянофилов; с приматом разума, как у их оппонента Б.Н. Чичерина; с попыткой пройти между этими крайними позициями, которая была предпринята в «метафизике всеединства» В.С. Соловьева. Впрочем, их анализ – отдельная интересная тема.

В-третьих, связь религии и науки динамична и с *культурно-исторической*, и с *экзистенциальной* точек зрения. С культурно-исторической точки зрения подлинно осевые религиозные тексты, данные из трансцендентных источников, лишь постепенно и во многом благодаря науке раскрывают перед нами свою смысловую глубину; а наука благодаря открываемым ей в религии смысловым глубинам постепенно приближается к признанию трансцендентных источников знания и трансцендентных форм познавательного опыта.

С экзистенциальной же точки зрения глубина понимания связей между научными и религиозными знаниями зависит от уровня духовного развития личности и оформленности её разнообразных когнитивных способностей, – от того, что соратник В.Н. Ильина по евразийскому движению Н.Н. Алексеев назвал уровнем «духовного ведения» или «внутреннего делания» [Алексеев, 1998, 152–153]. Здесь, конечно, встает старая проблема объективности и доказательности подобного знания и возможности его интересусубъективной трансляции другому сознанию, которая заслуживает отдельного обсуждения.

В любом случае, стремясь к получению реальных результатов в диалоге между наукой и религией, следует избегать двух тупиковых мировоззренческих установок: иррациональной веры и ортодоксальной верности «религиозным отеческим гробам»; а, с другой, – иррационального «научного» неверия и верности «атеистическим отеческим гробам». **Вступая в диалог, наука и религия должны стремиться не к тому, чтобы убедить в своей правоте другого, а в том, чтобы получить новые импульсы к собственному развитию и расширить свои горизонты понимания мира и человека.**

В-четвёртых, постулируя **принципиальную неслиянность** науки и религии (по языку, характеру текстов, типам познавательного опыта, социальным и психологическим функциям в обществе), всё же следует в культурно-исторической перспективе ожидать их движения **ко всё большей нераздельности**, т.е. к «научной религии» и к «верующей науке». Однако вряд ли этот процесс когда-то завершится окончательным слиянием этих разных сфер духовной культуры и типов познавательного опыта.

С другой стороны, можно предположить, что в будущем начнут всё чаще рождаться личности синтетического типа, у которых различные духовные дарования

10. Ильин, В.Н. Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира / В.Н. Ильин. – Минск: Издательство Белорусского экзархата, 2006. – 192 с.
11. Козырев, А.П. В тени Парнаса и Афона / А.П. Козырев // Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. – СПб.: «Акрополь», 1997. – С. 3–34.
12. Урбанаева, И.С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма) / И.С. Урбанаева. – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. – 376 с.

Текст поступил в редакцию 23.09.2022.

Принят к печати 20.11.2022.

Опубликован 30.03.2023.

¹ См. довольно обстоятельное обсуждение связи науки и религии применительно к изучению традиций буддийской психотехники в монографии И.С. Урбанаевой [Урбанаева, 2014, 19-45].

References

1. Aleksander D.R. *Stranici: Bogoslovie, Kultura, Obrazovanie* [Pages: Theology, Culture, Education]. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola Andreyea, 2010, vol.14, no. 2, pp. 274–286 (in Russian).
2. Alekseev N.N. *Russkii Narod i Gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, 1998, 640 p. (In Russian).
3. Bulgakov S.N. *Svet Nevechernii: Sozercaniya i Umozreniya* [The Light of Non-Eternal: Contemplations and Speculations]. Moscow: Respublika, 1994, 415 p. (In Russian).
4. Bulgakov S.N. *Filosofiya Imeni* [Philosophy of the Name]. St. Petersburg: Nauka, 1998, 446 p. (In Russian).
5. Gusakov A.F. *Morfologiya v filosofii V.N. Iliny. Avtoref. diss. kand. filos. nauk* [Morphology in V.N. Ilyin's philosophy. Abstract of Ph/D/ Thesis in Philosophy]. Moscow, 2009, 27 p. (In Russian).
6. Ermichev A.A. *Voprosi Filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow: Institut Filosofii RAN, 2012, no. 4, pp. 111–120 (in Russian).
7. Ermishin O.T. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI]. Moscow: "Moskovskii Gosudarstvennii Institut Kulturi", 2020, no. 3(95), pp. 64–72 (in Russian).
8. Ilin V.N. *Voprosi Filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow: Institut Filosofii RAN, 1996, no. 11, pp. 111–136 (in Russian).
9. Ilin V.N. *Esse o Russkoi Culture* [Essays on Russian Culture]. St. Petersburg: "Akropol", 1997, 464 p. (In Russian).
10. Ilin V.N. *Shest Dnei Tvoreniya: Bibliya i Nauka o Tvoreni i Proishojdenii Mira* [Six Days of Creation: The Bible and the Science of Creation and the Origin of the World]. Minsk: Izdatelstvo Belorusskogo ekzarhata, 2006, 192 p. (In Russian).
11. Kozirev A.P. *V Teni Parnasa i Afona* [In the Shadow of Parnassus and Athos] in Ilin V.N. *Shest Dnei Tvoreniya: Bibliya i Nauka o Tvoreni i Proishojdenii Mira* [Six Days of Creation: The Bible and the Science of Creation and the Origin of the World]. Minsk: Izdatelstvo Belorusskogo ekzarhata, 2006, pp. 3–34 (in Russian).
12. Urbanaeva I.S. *Buddiiskaya Filosofiya i Meditaciya v Komparativistskom Kontekste na Osnove Indo-tibetskikh Tekstov i Jivoi Tradicii Tibetskogo Buddizma* [Buddhist Philosophy and Meditation in a Comparative Context Based on Indo-Tibetan Texts and the Living Tradition of Tibetan Buddhism]. Ulan-Ude: IMBT SO RAN, 2014, 376 p. (In Russian).

Submitted for publication: September 23, 2022.

Accepted for publication: November 20, 2022.

Published: March 30, 2023.